

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка»
Исторический факультет

**БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
ИСТОКИ, СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ
(IX–XXI вв.)**

Материалы
Республиканской научно-теоретической конференции
Минск 29 июня 2017 г.

Минск
РИВШ
2017

УДК 323(476)(091)(082)

ББК 66.3(4Бел)я43

Б43

Рекомендовано

советом исторического факультета
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
(протокол № 10 от 24 мая 2017 г.)

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук доцент *А. В. Касович* (отв. ред.);
кандидат исторических наук доцент *С. П. Шупляк*;
кандидат исторических наук доцент *А. А. Корзюк*;
кандидат исторических наук доцент *А. Ф. Великий*

Рецензенты:

доктор исторических наук профессор *А. М. Лютый*;
доктор исторических наук профессор *И. В. Варивончик*

Белорусская государственность: истоки, становление,
Б43 развитие (IX–XXI вв.) : материалы Респ. науч.-теорет. конф.,
Минск, 29 июня 2017 г. / редкол.: А. В. Касович (отв. ред.)
[и др.]. – Минск : РИГШ, 2017. – 232 с.
ISBN 978-985-586-041-0.

В сборнике представлены актуальные материалы исследований,
посвященные проблемам белорусской государственности в истори-
ческом, социально-культурном и геополитическом аспектах.

Адресуется преподавателям, аспирантам и студентам вузов.

УДК 323(476)(091)(082)

ББК 66.3(4Бел)я43

ISBN 978-985-586-041-0

© Оформление. ГУО «Республиканский
институт высшей школы», 2017

января 1919 года ЦК РКП(б) постановления о выделении из Белорусской Республики Витебской, Смоленской и Могилёвской губерний и объединении оставшихся Минской и Гродненской губерний с Литвой в Литовско-Белорусскую ССР.

Характеризуя деятельность в правительстве ССРБ групп А.Ф.Мясникова и Д.Ф.Жилуновича, В.Г.Кнорин подчеркнул, что первая продолжила ту же политику и практическую советскую работу, которую она вела в составе Облкомзпа. Но Д.Ф.Жилунович и его соратники, по мнению Кнорина, не могли примириться с такой политикой, потому что для них самостоятельность Белоруссии не была только пустым звуком. [11]

21 января 1919 г. Александр Фёдорович возглавил Военно-Революционный Совет Белорусской ССР, созданный в связи с военной угрозой со стороны Польши.

Правда же состоит в том, что во Временном рабоче-крестьянском Советском правительстве Белоруссии, созданном в Смоленске 1 января 1919 года Мясников возглавлял комиссариат по военным делам, был заместителем председателя. Он также являлся председателем ЦИК БССР (точнее, ССРБ). Только в феврале 1919 года Александр Фёдорович станет фактическим главой правительства БССР, и соединит одновременно все три самых важных поста: председателя ЦБ КП(б)Б, главы правительства БССР и председателя ЦИК БССР. Правда, на очень короткое время.

Таким образом, в январе-феврале 1919 года вся полнота реальной политической власти принадлежала А.Ф.Мясникову. Ни один белорус не был избран в президиум ЦИКа. Председателем ЦИКа БССР был избран Мясников.

Итак, А.Ф. Мясников, правда, иногда помимо своей воли, сыграл ключевую роль в становлении белорусской советской государственности в конце 1918-го – начале 1919 года.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее - НА РБ) Ф.4п. Оп.1. Д.11. Л.6-9
2. По воле народа. Документы и материалы. Минск, 1968. С. 84
3. Кнорин В.Г. Избранные статьи и речи / В. Г. Кнорин // Минск, 1990. С.33
4. НА РБ Ф.4п. Оп.1. Д.11. Л.4-5
5. Нёман 1989. №1. С.122
6. НА РБ. Ф.60.Оп.1. Д.337. Л.4
7. Протоколы I съезда Коммунистической партии Белоруссии. М., 1919. С.11-19
8. НА РБ. Ф.59. Оп.1. Д.22. Л.25
9. НА РБ. Ф.4п.Оп.21. Д.235 Л. 13,21
10. НА РБ. Ф.60. Оп.3. Д.43. Л.14,21
11. Кнорин В.Г. Избранные статьи и речи. С.52

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ БССР (1920–НАЧАЛО 1940-Х ГГ.)

Йоцус В.А., БГПУ, Минск

Возвращение переселенцев на родину было важной проблемой советского государства при проведении сельскохозяйственных переселений. Несмотря на государственную поддержку (льготы, ссуды), не все переселенцы могли устроиться на новом месте. Государство несло значительные материальные издержки. С 1925 по 1928 г. безвозвратные государственные расходы только на подбор и передвижение переселенцев, которые затем вернулись в БССР, составили более 235 000 руб. [1, л. 105 об.]. Обратники увеличивали и без того немалую безработицу в деревне. Помимо экономических убытков, обратное движение переселенцев имело и политические последствия. В среде неустроенных и разоренных переселенцев возникали антисоветские настроения, которые передавались как местным жителям в местах вселений, так и по прибытии обратников на родину. Кроме государственных расходов, каждая возвратившаяся семья несла собственные убытки. Если считать, что семья лишалась только половины своего имущества, что в переводе на

денежный эквивалент составляло минимум 300 руб., то совокупный ущерб обратников составлял около 1 млн руб. Обычно же переселенческая семья разорялась полностью.

Подсчеты показывают, что число официально зарегистрированных в БССР обратников в период с 1925 по 1928 г. составляло 3207 чел. (3,95 % от общего числа переселившихся). Однако, по данным Челябинского, Свердловского и Сызранского переселенческих пунктов, этот показатель составлял около 20 % [1, л. 109 об.–110]. Такая разница в цифрах объясняется не только плохим учетом обратников, но и тем, что возвращающиеся с Дальнего Востока часто оседали в Сибири или на Урале и в БССР не возвращались.

Причины возвращения были чрезвычайно разнообразными. Основные из них: некачественный подбор переселенческих контингентов в местах выхода, недобросовестное хозяйство, искажение информации о переселенческих фондах и об условиях хозяйствования, недостаточное финансирование и обслуживание переселенцев в местах водворения, невыполнение своих обязанностей должностными лицами и учреждениями.

Одной из проблем в организации переселения являлось то, что ходоки, отправляемые со стороны доверителей, были недостаточно обеспечены средствами. Обычно этих средств хватало проехать только в один конец.

Обслуживание переселенцев, как в Сибири, так и на Дальнем Востоке, зачастую организовывалось на низком уровне. Переселенцы, попадая в новые условия хозяйственной жизни, в новую природную среду, крайне нуждались в усиленной агрономической помощи. Сибирским и Дальневосточным ЗУ вопрос ставился так, что переселенческой организацией не было необходимости создавать самостоятельную агросеть, считая, что переселенцы должны обслуживаться агроперсоналом местных земельных органов [7, л. 350]. Такая постановка вопроса создавала для переселенцев серьезные проблемы, так как переселенческие участки формировались не только в богатых районах, но и в местах полубожитых. В результате переселенцы оставались без агрономической помощи [1, л. 204].

Недостаточные средства, отпускаемые государством на переселение, не давали возможности удовлетворительно организовать переселенческие мероприятия. Как отмечали проверяющие, в местах вселения не имелось достаточных материальных и людских ресурсов для выполнения подготовительных мероприятий на переселенческих землях. Зачастую эта работа проводилась голыми руками, так как переселенческие организации не имели техники для проведения раскорчевки, дорожного и мелиоративного строительства, а также тракторов для вспашки целины и залежей. Поэтому качество подготовки земли было низким, собственных средств переселенцев и выдаваемых им государством ссуд не хватало на нормальную организацию хозяйства, а это приводило к оттоку переселенцев, в результате чего средства, затраченные на их вселение и землеустройство, пропадали даром [1, л. 126].

Еще одной причиной возврата являлась неудовлетворительная организация перевозки переселенцев. Часто кладь переселенцев, вопреки существующим правилам, отправлялась отдельно от переселенцев, отставала в пути, ее приходилось разыскивать по линии железной дороги через телеграфные запросы. Переселенцам иногда приходилось месяцами ждать прибытия клади. Часто не подавалось отопление, освещение и переселенцы ехали в темноте и в холодных вагонах. Перегруженность вагонов людьми часто была выше всякой нормы, антисанитария в вагонах и т. д. [1, л. 220 об.].

В 1930-х гг. государство полностью взяло под контроль весь переселенческий процесс. Это позволило повысить качество перевозки и обслуживание переселенцев в пути. В то же время поступающие с мест вселения данные говорят о недостаточной подготовке низовых партийных, советских организаций и правлений колхозов к приему переселенцев. К моменту прибытия переселенцев в некоторых колхозах не был закончен ремонт жилья, не всегда подавался транспорт для отправки переселенцев в колхозы и т. д. [10, с. 500–504].

В советской историографии преобладали позитивные отзывы об организации переселений СССР [9, с. 224–225]. Однако, как свидетельствуют докладные записки ОГПУ, имели место и негативные явления, «...отмечается недоброжелательное отношение к

переселенцам как со стороны отдельных групп колхозников, так и некоторых руководителей колхозов. В этих случаях переселенцам до последнего времени не выданы трудовые книжки, трудодни не учитываются и вообще не создаются нормальные бытовые условия. Имели место факты неприязненного отношения к переселенцам, оскорблений и, в отдельных случаях, даже издевательства и избиений» [10, с. 502]. Отмечались также случаи противодействия переселению со стороны «кулацких элементов». В этой связи имело место обратное движение переселенцев на родину. Так в 1933-1934 гг. из Украины вернулось в БССР более 34 % переселенцев. В связи с этим руководство БССР организовало опрос руководителей 34 белорусских районов. Так, Хойникский РКП(б)Б сообщил, что из 102 переселившихся семей вернулось 82. Среди причин возвращения называли боязнь засухи, тяжелые бытовые условия (отсутствие жилья и дров), недружелюбное отношение со стороны местных жителей. Бегомель прислал сведения о 75 вернувшихся из 101 семьи. По Мозырю вернулись все, так как старожильческое население враждебно встретило белорусских переселенцев. Те вынуждены были обратиться в политотдел с просьбой создать белорусский колхоз, но получили отказ [5, л. 84]. Результаты проверки, проведенной ЦК КП(б)Б, были следующие: из 21 района БССР переселено 2773 семьи колхозников в плановом порядке, из которых на родину вернулись 192. Из 1538 семей, переселившихся самовольно, вернулась 381 семья [5, л. 89].

Основными причинами данного явления было переселение колхозников в экономически слабые колхозы, не имеющие возможности обеспечить нормальные хозяйственно-бытовые условия переселенцам [10, с. 639-641]. Значительную роль в обратном движении сыграли и антипереселенческие настроения среди украинского населения.

В предвоенные годы также, отмечалось обратное движение переселенцев на прежние места жительства из восточных областей СССР. Так в БССР вернулись 74 семьи из 185 по Бегомельскому району, по Борисовскому – 24 семьи и 35, по Холопеничскому району 51 семья из 138 и т. д. Как и ранее обратничество по некоторым районам составляло около 35 % [2, л. 12]. Основными причинами возвращения переселенцы называли неблагоприятные природные условия и связанные с этим заболевания. Однако по данным органов НКВД и милиции, причинами этого явления были: плохая организация приема переселенцев, проводимая среди них антисоветская деятельность, а также негативное отношение со стороны местных жителей [2, л. 14-15].

Вопрос о возвращении переселенцев рассматривался в ЦК КП(б)Б, где было отмечено, что администрация колхозов для переселения отбирает не лучших колхозников, а лодырей, чем недооценивает важность сельскохозяйственного переселения для страны [3, л. 197-198].

Таким образом, говоря о результативности сельскохозяйственных переселений из БССР в 1921-1941 гг. необходимо учитывать такой аспект, как обратное движение переселенцев назад в Беларусь. Просчеты органов власти и управления, как в БССР, так и местах вселения негативным образом сказывались на приживаемости переселенцев в новых местах. Следует отметить, что, несмотря на то, что в 1930-е гг. государство взяло на себя все расходы по организации переселений, официальный процент возвратившихся в республику граждан был гораздо выше, нежели в 1920-х гг. Около 4 % в 1920-е и около 35% в 1930-е гг. Если обратить во внимание, что учет вернувшихся переселенцев 20-х гг. XX в. был оставлен неудовлетворительно и реальный процент обратников находился на уровне 13-15 %, то мы имеем более чем двукратный прирост переселенцев, которые не смогли устроиться на новых местах и вернулись в БССР. На наш взгляд, основной причиной является то, что в 1920-х гг. одиночные переселенцы во многом самостоятельно несли ответственность за свою судьбу и через институт ходатчества могли определять наиболее удобные для себя места вселения. В 1930-е гг. государство единолично стало определять те колхозы, в которые необходимо было доставить дополнительные трудовые ресурсы. И зачастую это были не самые сильные колхозы, которые не могли создать нормальные условия для жизни и работы переселенцев, что создавало предпосылки для их возврата в БССР.

Литература

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 14. Оп. 1. Д. 1318.
2. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 1 п. Оп. 1 а. Д. 187.
3. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 1 п. Оп. 3 а. Д. 186.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 4208.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 7537.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 48. Оп. 1. Д. 2732.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 48. Оп. 1. Д. 4045.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1450.
9. Платунов, Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917–июнь 1941 гг.) / Н. И. Платунов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. – 283 с.
10. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, [В. Данилова]. – М. : РОССПЭН, 2005. – Т. 3. : 1930–1934 гг. – Кн. 2. : 1932–1934 гг. – 840 с.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СТАНОВЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ СТАТИСТИКИ БЕЛАРУСИ

Приборович А.А., старший преподаватель, БГУ, Минск

За XX в. в архивах Беларуси скопилось большое число статистических источников: материалы переписей населения, статистические обзоры предприятий, карточки учёта учреждений здравоохранения и прочее. По мнению автора статьи, анализ материалов центральных органов статистики БССР позволяет изучить процессы социальной и экономической жизни населения Беларуси.

Однако использование статистических источников в исторических исследованиях невозможно осуществить без изучения работы органов статистики БССР. Знание истории формирования и функционирования органов статистики советской Беларуси позволяет выявить условия организации централизованного статистического наблюдения, которые являются отражением политики руководящих органов советской власти по учёту населения и отраслей народного хозяйства. Знание истории госстатистики БССР позволяет также выделить конъюнктурные и политические запросы, из-за которых происходило изменение перечня, структуры форм статистического обследования и значений итоговых расчётов проведённых статистических мероприятий.

Отметим, что формирование советской государственной статистики в Беларуси началось с созданием летом 1918 г. в советской России ЦСУ, однако из-за военной интервенции становление статистического дела происходило крайне медленно вплоть до начала 1919 г. [1].

К концу 1918 г. постоянными центрами организации статистического наблюдения в белорусских губерниях были продовольственные комитеты и земские управы [2]. Данные центры стали альтернативой закрытым осенью 1917 г. губернским статистическим комитетам.

Отметим, что с 1911 г. в трёх белорусских губерниях (Минской, Витебской, Могилёвской) централизованное статистическое наблюдение вместе с губернскими статистическими комитетами стали проводить земские губернские управы. Первоначально статистическая работа в земствах была организована в общих отделах управ, но уже с середины 1913 г. в управах создавались специальные статистические отделы.

С началом Первой мировой войны на белорусских землях было введено военное положение, которое сильно сузило самостоятельность земств [3]. Однако обстоятельства военного времени подтолкнули руководство Российской империи к необходимости изучения обеспечения населения и армии продуктами продовольствия, организации труда в сельском хозяйстве, а также установления наиболее рациональной системы реквизиции